

**Наталья
БОРИСОВА**

**МОЛОДОЕ
СЕРДЦЕ**

Оренбургские
ПОЭТЫ

НАТАЛЬЯ БОРИСОВА

МОЛОДОЕ СЕРДЦЕ

Стихотворения

Оренбург
2015

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5
Б 82

Эта книга издана при поддержке

партии «Единая Россия»
(секретарь отделения – **И.Н. Сухарев**)

Оренбургским региональным отделением
Союза российских писателей

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5
М 83

Наталья Борисова. Молодое сердце.
Стихотворения. – Оренбург, 2015. – 52 с.

© Наталья Борисова, стихотворения, 2015 г.
© Оренбургское региональное отделение
Союза российских писателей, серия, 2015 г.

Замочная скважина

На спине, под левою лопаткой,
Проявилась, сердце истязая,
Прокралась за ребрами украдкой
Скважина замочная резная.

Это все случилось слишком быстро,
Так давно, что мне и не упомнить.
А теперь сквозняк с холодным свистом
Задувает из сердечных комнат.

И в чужих безропотных ладонях
Закреплен на ленточке кровавой,
Так привыкший быть у посторонних,
Старый ключик бронзового сплава.

Я его найду и отвоюю,
В самом темном заточу подвале,
Чтобы эту скважину резную
Больше никогда не открывали.

Может, кровь тогда забагровеет,
Расплетутся узелочки нервов.
Мой замочек в сердце заржавеет
И исчезнет навсегда, наверно.

* * *

Мы – такие, как все – люди,
И ничто нам людское не чуждо.
Может быть, завтра лучше будет,
Ты уйдешь – значит, так нужно.

За окошком весна танцует,
Украшает просторы сада.
Ветер волосы ей целует.
Я уйду – значит, так надо.

Но пока мы судьбы сильнее,
Потому что пока мы вместе.
Всем поможем, спасем и согреем,
Всё простим без желания мести.

А сейчас по одной дороге
Мы идем, и чем дальше, тем тише.
От усталости сводит ноги.
Но не падаем. Гордые слишком.

* * *

Чеширский кот мне луной улыбается,
И я ему в ответ улыбаюсь.
Ах как по тебе я устала маяться,
Ночную порою уснуть стараясь.

Зимою морозной, в собачий холод
Я настежь окно открываю смело
И долго смотрю на замерзший город,
Раскрашенный снегом, как будто мелом.

Случайно почудится запах сладкий
Приятно-удушливой летней ночи,
Где в ивовых листьях дрожит загадка
И вечность становится мига короче.

Где я иногда по тебе скучаю
И, дерзко смотря звездам прямо в очи,
Зимой у окна аромат вдыхаю
Приятно-удушливой летней ночи.

* * *

Мы спим на старых простынях
И, заворачиваясь тенью,
В своих страданиях и мечтах
Мы бродим, будто привиденья.

Наш крепок сон, и в час ночной,
Когда дома истомой дышат,
Летают души над землей
И приземляются на крышах.

И кто бы что ни говорил,
Мы все и каждый одиноки.
А по ночам хватает сил
Слетать туда, где наши боги.

Туда, где, может, нас не ждут,
Все тянет образ вдохновенный.
Мечты натянут тонкий жгут,
Что утром рвется непременно.

И просыпаясь в дураках,
Мы, жертвы быстрого паденья,
Живем на старых простынях,
А в теле будто привиденья.

* * *

Вот и всё, уходим понемногу:
Я на запад, ты куда – не знаю.
И не вижу за тоской глубокой
То, что я без жалости теряю.

Расставание совсем не страшно.
В расставанье обретем свободу,
Что нам плен журавликов бумажных,
Не умеющих подняться к небосводу?

Пусть от сердца к сердцу нитью тонкой
Тянутся сквозь мир воспоминанья
И в ушах звучит струною звонкой
Ветром порожденное дрожанье.

Будто бы из рук забрали камень,
Лишь на миг легко, а после – пусто.
Одиночества зажегся синий пламень,
Мне давно знакомо это чувство.

Помнишь безрассудную свободу,
Детством мне подаренную слабость?
И теперь в ненастную погоду
Лишь она, проклятая, осталась.

Счастья я искала в диком поле,
А нашла его с тобою рядом.
В призрачном, бестрепетном покое
Над цветущим яблоневым садом.

* * *

А.Н.

Ты не плачь, ты не бойся, я рядом!
Я всегда буду рядом с тобой.
Я от бед тебе буду оградой,
За тобою и в стужу, и в зной.

Я снежинкой останусь в ладони,
Солнца лучиком в сонном окне,
И звездой на ночном небосклоне.
Все тебе, это – только тебе!

Я и щит, я и меч в смертной битве,
Я твой свет в разъедающей тьме.
Буду песней твоей и молитвой,
И травой на могильном холме.

* * *

Я сегодня смотрю, как вы уходите,
Не прощаясь, без тоски опустив голову,
Неестественно делаете вид, что торопитесь,
Будто я не из плоти, как вы, а из олова.

Нет, не нужно мне вашей паршивой жалости,
Этой пьяной беды нахлебалась достаточно,
Я своей вам не покажу усталости,
Но и вы не пытайтесь казаться загадочным.

И, смотря, как положено, долго вслед,
Я крестом провожаю чужую спину:
«Пусть Господь бережет его от бед,
Пусть его не покинут, как он покинул».

Раз решили, то нужно идти не мешкая.
Я прощаю вас, как и прочих, мнимых.
Уходите же в этой глупой спешке,
Уходите же к своей любимой...

Фарфоровое сердце

Наверное, я где-то в облаках,
За гранью обозначенных пределов,
Не с победителями и не в дураках,
Все точно так, как я того хотела.

Как будто я застряла среди времен,
Болтаюсь между прошлым и грядущим...
И в списках незапомненных имен
Я, как всегда, являюсь вездесущей.

Я, как всегда, смотрю со стороны,
Бездействуя и хладно наблюдая.
Да из какой неведомой страны
Взялась я бессердечная такая?

И кто-то скажет: «Чем же не мертвец?
Глаза стеклянные без жизни и задора».
А среди жестоких человеческих сердец
Чуть слышно бьется сердце из фарфора.

* * *

А с каждым разом строки все длинней.
Горит на небе розовое зарево,
В безмолвном зарождении огней
Я из поэта превращусь в прозаика.

За шагом шаг – дорога сквозь туман.
Какого черта и куда иду? Не ведаю.
Я веру разменяла на обман
И упивалась призрачной победою.

Не смей меня жалеть и помогать,
Иди за прежней мнимой надеждою.
А я привыкла по ночам сгорать
И прятать бессердечье под одеждою.

Мой свет в окне на нервах задрожит
В глухой тоске ночного половодья,
Внезапно по-другому зазвучит
Так хорошо знакомая мелодия.

* * *

Вы мальчишки,
Вы дети
Безжалостные и глупые.
Вы кричите от злости,
Часто дышите,
Хмуритесь.
И не можете поделить
Золотоволосую куклу,
Которую случайно
Нашли на улице.
Слышно только
Капризное:
«Оставь! Моя!»
Ладшки потеют,
Соскальзывают с игрушки.
– Я ее первый увидел!
– А я ее первый поднял!
Вот такой вот скандал
Из-за сломанной безделушки.
А она молчит,
Не плачет и не кусается.
Остается пластиковой –
Малодушной.
Потому что знает:
Сейчас до конца сломается
И ни тому, ни другому
не будет
нужной.

* * *

Уходи не спеша, осторожно,
Никому не стремись сделать больно,
Не вздыхай тяжело и истошно,
Не кричи в пустоту: «Довольно!».

Оставляй всё без сожаления.
То, что сделано, – необратимо.
Жизнь – обманчивое движение,
Бьешь по цели – и снова мимо.

Забывается всё, всё прячется
Под сухими осенними листьями.
Все замолится и заплачется,
И зима белым снегом выстелит.

И по этому снегу первому,
Оставляя следы усталые,
Уходи в туманы безмерные
Слушать трели весны запоздалые.

* * *

Будто бы и не было нас.
Ни вдвоем, ни порознь впредь.
Встретимся – не отводи глаз,
Я сумею перетерпеть.

Я могла бы продолжать бой,
Если б знала: это не зря,
Если б ты, что рядом с тобой,
Ты любил чуть меньше меня.

Если бы да кабы, да вдруг.
Кто не ценит этот подход –
Беспощадный времени круг,
Бешеный его хоровод.

В суетливых пасмурных днях
Обещаю все предпринять,
Чтобы не являлась во снах
Золота волнистая прядь.

Чтобы ты не помнил обид,
Не жалел несказанных фраз,
Буду делать радостный вид,
Будто бы и не было нас.

* * *

Ты думаешь, этот стих тебе, а это ему.
Он думает, этот стих ему, а это тебе.
А я вот сижу и сама никак не пойму,
О ком мне жалеть, а кого подарить судьбе.

А впрочем, катитесь оба ко всем чертям.
Мне вас не надо, здесь с каждым своя беда.
Вы вдруг заскучаете в объятиях милых дам,
Но я на прощание обрезала провода,

Я их оголила (такая уж я змея)
На случай и день, если память плеснет потоком,
Чтоб так же безжалостно больно, как вы меня,
При каждом касании вас ударяло током.

* * *

Мы бы всё на свете за это продали,
Не торгуясь и не требуя сдачи,
Чтобы ветер дул веселый до одури,
Чтобы вместе быть, и никак иначе.

Говорят, без огня не бывает дыма.
И глаза твои неспроста печальны.
Наверное, было необходимо,
Чтобы я улыбнулась тебе случайно.

Мне не важно, какую ты видел осень,
Когда не было в ней моих объятий,
Но и ты мне не задавай вопросов,
И унынья с меня на сегодня хватит.

Я бы все это бросила тлеть и сохнуть,
Не люблю ворошить то, что было раньше.
Одного лишь тебя я хочу запомнить.
Вот таким, как сейчас, без тоски и фальши.

Без сомнений отдам все, что есть на свете.
Даже душу – хоть страшно подумать! – черту!
Только чтобы пел наш безумный ветер,
Чтоб печально мерцали глаза твои черные.

Погорелая

Мое тело сгорело почти дотла.
Я не знаю, как мне посчастливилось выжить.
Помню, дымом душила кипящая мгла
И мой дом поклялась до фундамента выжечь.

Помню, ты приходил, говорил о любви,
В канделябры вставлял золотистые свечи,
Помню, как мы сидели с тобой vis-à-vis
И в прихожей плясал летний бархатный вечер.

Дальше памяти нет. Только злоба и боль,
Окруженная горем и страхом предательств.
Нет, еще кое-что – ты так быстро ушел!
И пропал... без следа... в череде обстоятельств...

Я сейчас не хожу, говорю-то с трудом
На втором этаже в светлой, чистой палате.
Расцветает июль у меня за окном
И сестра милосердия сидит у кровати.

Мне читает она, примостившись бочком,
Чтоб я с черной тоской на нее не глядела.
Жаль, не знает она – ты приходишь тайком
И щекочешь мое обожженное тело.

Кукольник

Прости, что не гоню ко всем чертям,
Но и с тобой, как прежде, не бываю.
К хорошему мы быстро привыкаем.
Прости, что разбираюсь по частям.

Я не держу, но за тебя держусь,
И ты бы мог меня стряхнуть с ладоней.
Ты говоришь, что ты меня уронишь,
И я тогда, как чашка, разобьюсь.

Марионетку, брошенную в угол,
Пытаешься насытить кислородом,
Истерзанную злобным кукловодом,
Любимую из всех красивых кукол.

Ты пожалеешь там, где он обидит,
И чинишь там, где он всегда ломает,
А он меня обратно забирает
И так же больно дергает за нити.

Вдребезги

Мы с тобою тысячу раз разбиты
И столько же собраны по компонентам.
Местами проклеены и зашиты
И кое-где обмотаны изолентой.

Мы стоим на самой высокой полке,
Покрываясь пылью и мерзкой ленью.
По ночам мы к краю ползем втихомолку,
Чтобы спрыгнуть оттуда без сожаленья.

Чтобы снова упасть и удариться больно,
Чтоб хозяйка, проснувшись воскресным утром,
Нас увидев, вздохнула и сердобольно
Принялась собирать два фарфоровых трупа.

И она нас починит опять понемногу.
Мы подвергнемся склейке, прошивке, покраске.
Тебе она сделает новую ногу,
А мне нарисует красивые глазки.

Так и будем биться об пол безумно,
Нам друг друга совсем и давно не жалко.
И при каждой починке шептать бесшумно:
«Мы не психи, мы просто хотим на свалку...»

* * *

Я тебе такой не нравлюсь, угадала?
Ты как все, никто не любит грустных.
Я такой – тебе спасибо – стала,
Заблудившись в зеркалах искусства.

Хочешь, из себя достану веру,
Постараюсь очень натурально.
Я сейчас учусь на инженера,
Хоть и собиралась в театральный.

Ну а если хочешь жизнь-конфетку,
Вспоминай стихи, они – шифровки.
Помнишь, назвалась марионеткой?
Я все та же, в той же упаковке.

В строки загляни, там так буквально:
Все подсказки, как на царском блюде.
Все по-человечески, нормально
Делай. И нормально будет.

* * *

Стихи рождаются в тревоге.
У всякого свое болит.
Я выживаю в каждом слогe,
Я в этом деле инвалид.

В колючей правде драматургов
Путь исцеленья будет долог,
Но время – лучший из хирургов,
А город – анестезиолог.

Истошным криком мрачной сути
Чернила льются на бумагу.
Спасибо вам, чужие люди,
За неподдельную отвагу.

За то, что вы не испугались
Безвинного ударить в спину.
Невозмутимыми казались,
Убив и не назвав причину.

Вы не останетесь с грехами
И все вернете до крупицы.
Моими горькими стихами,
Как водкой, будете давиться.

* * *

Чтобы выжить и жить...
Мне достаточно кислорода.
Даже слишком...
Для этого слабого тела.
Хорошо...
Когда есть у тебя свобода,
Плохо...
Если ты ее не хотела.

Прощальное

Знаешь, сложно тебя прощать,
Прятать боль и слезы стесняться.
Людям свойственно обещать,
Так же часто, как ошибаться.

Я должна из железа быть,
А в реальности – из бумаги.
Знаешь, сложно тебя забыть,
Если ты расправляешь флаги.

И противна себе самой
От банальной и тухлой драмы.
Жизнь – песок, а морской прибой
Размывает любые шрамы.

Посвящая себя другим,
Нужно дальше листать года.
И запомнить: «Как мы хотим,
Будет часто, но не всегда...»

* * *

Я умею любить...
Мне от этого только не легче.
Не скажу, чтобы с блеском,
Но на твердую тройку точно.
Мне не стать никогда
Ни кошкой, ни птичкой певчей,
Я уже рождена человеком
Весьма порочным.

Я уже обрела пределы
и предрассудки.
Так усердно пытаюсь подольше
Остаться в детстве...
Из часа запомнится лишь мгновение,
Из года – сутки.
А счастье с бедой непременно
Поселятся по соседству.

И уже не вернуть
убежавшее в бездну время,
От разлук и предательств
сердце не уберечь.
Нас кочующий цирк
вновь сведет на одной арене.
Потому я кричу вам сегодня:
«До новых встреч!»

While you were sleeping

Только поле кругом,
Неизвестно, куда бежать.
Если травы дрожат,
Значит, ветер неласков к ним.
Я прощалась с тобой
И не думала продолжать,
Горизонт провожала,
Не зная, где ты за ним.

Но вернулся обратно,
Как птица летит к земле.
Не моля о прощении,
Заведомо был прощен.
Я в тоске повисла,
Как в самой тугой петле,
Не живая была,
Но и не умерла еще.

Никогда не просила,
Не стану просить теперь.
Если манит полет,
Поддавайся ему – лети.
Ты всегда будешь самой
Предсказанной из потерь.
Жалко, не угадать,
Когда ты решишь уйти.

* * *

Мама, он плохой, очень.
Только, мам, я люблю, наверно.
Я в плечо ему уткнусь ночью,
Будто я его щенок верный.

Если б мне пятнадцать лет снова,
Не было б проблем вовсе.
Ты меня бы заперла дома
И ремнем бы да без лишних вопросов.

Я не плачу – его жалко.
Вдруг проснется, услышав всхлипы?
Мама, помнишь, как та гадалка
Наврала, что мне быть счастливой?

Но ведь счастье никак не купишь
И не сделаешь по заказу.
Может, если ты ждешь и любишь,
Значит, будет потом все и сразу?

Помнишь, мам, я сожгла ногу
И боялась, что шрамы навечно.
А для души что-то есть от ожогов?
Или мне так и ходить увечной?

Мама, мамочка, ты старалась,
Чтоб была я одетой, обутой,
Человека взрастить пыталась.
Мам, прости, вышла я... долбанутой.

* * *

Я без цели,
свинец в голове дребезжит, как фанера.
Каждый вдох
сделан в память о вдохе минувшем.
Дни сгорели,
и меня добивает тоска и холера.
Даже Бог
отказался сегодня от ныне живущих.

На обломках,
обугленных пламенем нового века,
Мы стоим
в полный рост, обнажили клинки и оскалы.
И в потемках,
не видя в «жестоком враге» человека,
Мы вопим
и глотки друг другу грызем, как шакалы.

С придыханьем,
упав на асфальт, запорошенный пеплом,
Небесам прокричу,
что с меня этой мути довольно.
И молчаньем
ответит, измученный кровью и пеклом,
Из-под черных кольчуг
ангел светлой надежды и боли.

Только небо
осталось последним моим утешеньем.
Это бездна,
объятая духом безумной свободы.
Только небо
не просит на счастье свое разрешение.
Бесполезно
бороться с уже зарожденным восходом.

Моей Алёне

Мне обычно не везет с людьми,
Вот с тобою только повезло.
В час невзгоды за руку возьми,
Поцелуй горячее чело.

Сколько раз тебя я не смогла
От беды внезапной уберечь.
Сколько в спину сказанного зла
Ты сняла с моих усталых плеч.

И не нужно видимых причин
Для того, чтоб ты меня любила.
Я грешу стихами для мужчин,
А ведь ты их больше заслужила.

* * *

Разве сила не в том, чтоб обиды уметь прощать
Или вовсе не порождать никаких обид?
И в любых обстоятельствах камнем уметь молчать,
Даже если смертельно что-то в тебе болит?

Кто не терпит вранья – никогда не обманет сам,
Ведь правдивое сердце других во сто крат живей.
Разве сила не в тех, кто не верит людским словам,
Но безудержно свято верит в самих людей?

Разве сила не в тех, кто сочувствует и поет,
Выпивает свободу, как воду, до слез из глаз,
Кто бесшумно и без оглядки идет вперед?
Разве сила не в нас, скажи?..

Разве сила
не в нас?

* * *

Мы люди глупые,
С нас невеликий спрос.
Что с дураков возьмешь
На самом деле?
Сердцами хрупкие
И не читаем проз,
Зато поэзией прекрасно овладели.

Кругом серьезные,
Большие господа
Всё смотрят с осуждением и испугом,
А мы безмозглые,
Но добрые всегда,
Живем и наслаждаемся друг другом.

А мы горячие –
Горящие огни!
Поем, как соловьи, гремим, как трубы.
Мы выбросили совесть и мозги,
Чтоб танцевать и целоваться в губы.

Письмо

Забери меня в свой мрачный город,
Увези, пожалуйста, отсюда.
Там тебя достали, видно, холод
И неизлечимая простуда.

Вот, держи, пока еще живое,
Молодое сердце певчей птицы.
За свободу, данную тобою,
Я могу доверьем расплатиться.

Всех жестокой хладностью измучил,
Каждая хотела быть твоею.
Да и я других ничем не лучше,
Разве что стихи писать умею.

Мы друг другу не родные люди,
Врозь свои переживаем беды.
Если вдруг тебе там плохо будет,
Попроси – и я сама приеду.

* * *

Эту жгучую боль, когда не хватает слов,
Не извлечь и не спрятать камушком в кулаке.
Не распутать на тонких пальцах тугих узлов,
Не разрушить гнездо молчанья на языке.

Обещанья и клятвы на белых зубах скрипят,
(Из груди по горлу воздух принес песок.)
По углам скитался немой одичалый взгляд,
Не нашел приют и на плечи чужие лег.

Посмотрела вверх, слышался странный звук
В голове свинцовой с глазами из хрусталя,
Будто что-то упало и покатилося вдруг,
Маленькое и круглое...
 Как Земля.

* * *

Порой стихи становятся мольбой,
Чуть слышной, точно скрип карандаша.
И катится усталая душа
По кромке неба бело-голубой.

И все, что было живо за окном,
Теперь огнем сияет и молчит,
А словом только грудь мироточит
В моем приюте светлом, но глухом.

Мне здесь тоска покажется пустой
И станет сладким тяжкое забвенье.
Наверно, для того стихотворенья
В молитвы превращаются порой.

Чай

Я читала: «С печалью вкуснее чай».
Вот и пью его с медом и липой,
Он меня не спасает от хрипов.
Ну а ты без меня не скучай.

Скоро день моего рождения.
Интересно, а вспомнишь ты?
Не нужны мне твои цветы,
Мне достаточно сообщения.

Ну а впрочем, в груди легко,
И страданий твоих не надо.
Жаль, приходится тем, кто рядом,
Знать о тех, кто от нас далеко.

Я спокойствие источаю.
И когда в дом приходят гости,
Не твои полоскаю кости,
А любя, наливаю чаю.

* * *

А.Н.

Ты не списывай все на усталость
И в чужие края не зови.
Даже чувств у меня не осталось,
Кроме этой смертельной любви.
И чего тебе здесь не хватает?!
И куда тебя черт несет?!
Видишь, сердце мое вращается
В оренбургский дорожный лед?
Мы с тобой без имен, без регалий,
Без навешанных ярлыков,
Будто высечены в металле
Медно-розовых облаков.
Солнце светит, земля искрится,
Мне не хочется никуда.
Если в грудь прилетели птицы,
Их не выкинуть из гнезда.

* * *

Нам не прибьтсь к ангелу под крыло,
Жарко там, тесно и что-то уже свербит.
Долго болело, да, кажется, отлегло.
Дым приукрасил быт.

Счастья теперь не ищешь, не ждешь беды,
Кровь с молоком мешаешь, вино с виной.
В тверди души вишен развел сады,
Вдруг зацветут весной?

А к остальному, вроде, остыл совсем,
Той, что любил, будто последним днем,
Счастья желаешь, без разницы, где и с кем.
Значит, переживем.

* * *

Тяжелое небо над городом зубы скалит.
Густое и грязное, точно вода с гуашью,
Как будто весь день в нем кисточки полоскали,
Рисуя чужое цветное многоэтажье.

За окнами ветер отчаян и бестелесен,
Колючую белую пыль над асфальтом кружит.
И нет в целом мире мелодий таких и песен,
Которые бы сумели мне сделать хуже.

А ночь – бесконечная адская вереница,
Со мною две лучших подруги – тоска и скука.
Я, кажется, сплю, но мне ничего не снится.
Решусь закричать, но не издам ни звука...

Уходящему прочь

Мы не связаны больше ни делом, ни словом,
ни мыслью.
Как хорош человек тем, что память его не бездонна!
Оттого грешный путь твой моими
молитвами выслан.
Уходящему прочь улыбается с неба Мадонна.

Уходящему прочь все дороги светлы и открыты,
Провожатые ангелы дуют в могучие горны.
Что обиды держать, если даже глаза позабыты
И горячие руки теперь холодны и покорны.

Я тумана сотку из небесного белого ситца,
За твою спиной все вокруг застелю полотнищем,
Чтобы ты, даже если захочешь, не смог возвратиться
На остывшее в прошлом родное мое пепелище.

Памятка

Зло всегда возвращается, как зимою вьюги,
И любой твой удар абсолютно будет упругим,
И всякий удержанный будет тянуть за нить,
А каждый отпущенный будет тебя винить.

Смотрите, люди, вон она – в белом платье,
К земле прибита предательством, как к распятыю.
Сюда ее черт принес на своих рогах.
Душа моя вот она – у меня в ногах.

Ножи из спины, поверьте, не достаются,
Вонзившись однажды, навечно там остаются.
И нас не спасти в пылу дорогих объятий,
У каждого в жизни целый набор рукоятей.

Всех учат: «Умей прощать, забывай плохое».
Но если забудешь, то будет больше вдвое.
Наступишь, как говорится, на те же грабли,
Вот только в душу уже – не ножи, а сабли.

И как же тогда не сгореть от тоски от черной?
Не стать извращенцем и глупостью увлеченным?
Живи как живешь, без печали и черствой фальши,
Животных люби, а людей посылай... подальше.

Пустое место

У кого-то хобби – фигурки лепить из теста,
У кого-то семья, у кого-то кипит карьера.
У меня есть совсем небольшое пустое место.
Ну почти незаметное, где-то с тебя размером.

Посмотри, как заманчиво с улицы светит солнце,
Пробивается смело в любой уголок квартиры.
Только этот разрыв не латается и не шьется,
А попытки починки множат и множат дыры.

Я встречала других, но они в этот паз не входят,
(Главный минус любви – не бывает она по ГОСТу).
На такую машину запчасти не производят.
Это очень грустно и до смешного просто.

Не смертельно это, земля не прервет вращения,
Мы научимся жить, научимся «брать и помнить»,
У меня будет все – от признания до презрения.
Будет все... и место, которое не заполнить.

* * *

«К хорошему не привыкать,
Не ждать любви, надежд не строить!» –
Выводит на листе рука,
Чтоб эту истину усвоить.

Ей полку выделить в мозгу,
Соседнюю с законом Ома,
И на своем дрянном веку
Все время ожидать облома.

Дорогу выбрать попрямей,
Без неожиданных препятствий,
Не зная бед, плестись по ней,
Купаясь в сладком постоянстве.

Ни шагу не свернуть с пути,
Не доставать клинка из ножен
И компромисс уметь найти
Везде, где только он возможен.

Почаще улыбаться всем,
Послаще тем, кто выше чином.
Друзьям не создавать проблем,
Не верить в бога и мужчинам.

Хоть этот жизненный закон
Такой простой, такой понятный,
Но для меня, простите, он,
Ну, право, очень неприятный.

Пусть коротким будет век,
Но чист и светел, как икона,
Живущий честно человек,
Не знавший этого закона!

* * *

Мне спасеньем от жизненной смуты,
Родниковым холодным глотком
Стали эти четыре минуты,
Что зовут телефонным звонком.

Значит, Отче тебя не оставил.
Значит, слышно в саду неземном,
Как шепчу я сухими губами
В полутьме девяностый псалом.

Жизнь не балует, не удивляет
И скупится на добрую весть,
Но спасают меня, оживляют
Долгожданные 3:56...

Мне назло безучастному миру
Погибать теперь не с руки.
Воскрешай меня, реанимируй,
И Господь тебе помоги.

* * *

Каждый охотник желает знать,
Где затаилась дичь.
Всякая женщина хочет стать
Лучшею из добыч.

Не завоеванной налегке,
Не побежденной враз,
Хочется быть журавлем в руке,
Нужной до слез из глаз.

Я же – особенное зверье,
(В шаге оленья стать).
Можешь свое опустить ружье,
Мне на него плевать.

Я не запутываю следов,
Скрытности здесь – зеро.
А из-под цокающих каблуков
Сыплется серебро.

И не звериная вовсе грусть
В дикой груди живет.
Знает охотник, где я пасусь,
Знает, да не убьет.

Уходит счастье

Из сотен возможностей упущены только главные –
Сквозь пальцы песком, на ветках незримым инеем.
Опять, проиграв поединки судьбы неравные,
Уходит счастье с простым и приятным именем.

А ты опомнишься поздно, несвоевременно,
Оно сбежит, как муза от композитора.
И лишь вдали печально и неуверенно
Мелькнет рукав его голубого свитера.

Уходит счастье тоннелями, коридорами,
Пока решаются мелкие неурядицы,
Его не слышно за глупыми разговорами.
Уходит счастье и растворяется, растворяется...

* * *

Здесь поля без края... без края и без конца.
Только дикий ветер кромсает степную даль.
Если это мир, где сын предает отца,
Мне его не жаль, ни капли его не жаль.

Мне не жаль покинуть сумрачный континент,
Вбить кинжал забвения по самую рукоять.
Если родина там, где родины больше нет,
То ее не страшно, не страшно совсем терять.

Позабыть навек не страшно ее простор,
Гладь озер и горного эха далекий крик.
Позабыть не страшно и говор, и разговор,
Все былины, сказания, песни, да сам язык.

Но как звезды сверкнули слезы на образах,
И запел рассвет над черной речной водой,
Вся Россия вдруг утонула в твоих глазах,
И не надо стало судьбы и страны другой.

Растворились немые улицы городов...
Я смотрела вдаль и все не могла понять,
Как такая огромная, пламенная любовь
Поместилась в такую маленькую меня?

Творческий кризис

Лирическое

Вдохновенье ходит стороной...
Ветреный, холодный день сегодня.
Муза и лирический герой
Пьют портвейн в замерзшей подворотне.

Кошка тронет лапою легко,
Смотрит и как будто молвит взглядом:
«Я тебя люблю за молоко.
Мне твоих стихов вовек не надо!»

Эка я дурная голова!
С кошкой – мир, да вот с собою в ссоре.
В строки не сплетаются слова,
И уж очень хочется на море...

* * *

Я к спине прижимаю, насколько хватает сил,
Два огромных, у жизни украденных мной крыла,
Что бы ты, не дай бог, не заметил и не спросил:
– Где взяла?

У меня ничего не осталось от прошлых лет.
Только синий, как Шива, божественный лазурит.
Слишком крепко я прячу камушек в кулаке,
Он горит...

То ли я научилась ложь предъявлять, как быль,
То ли ты невнимателен или, подавно, слеп.
Там, где можно лететь, я иду, поднимая пыль,
След во след.

Пред тобою небо бросает свой звездный крап,
Под ногами надежно и верно лежит земля,
И стоит на ней твой бессмертный крылатый раб.
Это – я.

* * *

*Буду родную твердь
Снизу держать и гнуть
Кверху.*

Максим Сергеев

Горько ли, плохо ли – будь.
Будь, существуй, живи.
Твой бесконечный путь
Полон моей любви.

Тьмы не страшись ночной,
Смейся в угоду дня
И непременно спой
То, что не спела я.

Слез обо мне не лей,
Ясный не порти взгляд.
Из-за чужих морей
Я ворочусь назад

В шелковых парусах.
Ветром среди живых
Нежиться в волосах
У дочерей твоих.

Содержание

Замочная скважина	3
«Мы – такие, как все – люди...»	4
«Чеширский кот мне луной улыбается...»	5
«Мы спим на старых простынях...»	6
«Вот и всё, уходим понемногу...»	7
«Ты не плачь, ты не бойся, я рядом!..»	8
«Я сегодня смотрю, как вы уходите...»	9
Фарфоровое сердце	10
«А с каждым разом строки все длинней...»	11
«Вы мальчишки...»	12
«Уходи не спеша, осторожно...»	13
«Будто бы и не было нас...»	14
«Ты думаешь, этот стих тебе, а это ему...»	15
«Мы бы всё на свете за это продали...»	16
Погорелая	17
Кукольник.....	18
Вдребезги	19
«Я тебе такой не нравлюсь, угадала?..»	20
«Стихи рождаются в тревоге...»	21
«Чтобы выжить и жить...»	22
Прощальное	23
«Я умею любить...»	24
Whileyouweresleeping	25
«Мама, он плохой, очень...»	26
«Я без цели...»	27
Моей Алёне	28
«Разве сила не в том, чтоб обиды уметь прощать...»	29

«Мы люди глупые...»	30
Письмо	31
«Эту жгучую боль, когда не хватает слов...»	32
«Порой стихи становятся мольбой...»	33
Чай	34
«Ты не списывай все на усталость...»	35
«Нам не прибиться к ангелу под крыло...»	36
«Тяжелое небо над городом зубы скалит...»	37
Уходящему прочь	38
Памятка.....	39
Пустое место	40
«К хорошему не привыкать...»	41
«Мне спасеньем от жизненной смуты...»	42
«Каждый охотник желает знать...»	43
Уходит счастье	44
«Здесь поля без края... без края и без конца...» ..	45
Творческий кризис	46
«Я к спине прижимаю, насколько хватает сил...»	47
«Горько ли, плохо ли – будь...»	48

Наталья Андреевна Борисова
Молодое сердце

Литературный редактор Виталий Молчанов
Выпускающий редактор Вячеслав Моисеев
Верстка – Денис Безлюднев
Корректор Людмила Моисеева
Оформление серии – Василий Денисов
Портрет автора – Александр Ашихмин

Подписано в печать 19.08.2015 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Агентство «Пресса»:
Оренбург, ул. Пролетарская, 15.

Тираж 200 экз. Заказ № _____.